

Н. В. Кузнецов

ИСТОРИОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА*

В статье исследуются историко-культурные предпосылки воззрений классического евразийства. В этой связи анализируются концепции Л. П. Карсавина, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. М. Бицилли. На этом основании аргументируется наличие оригинальной методологии истории в концепциях евразийцев и выявляются ее характерные черты. В статье также важное место занимает исследование евразийства как культур-философской идеологии национального самосознания, раскрывается его противоречивость. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: культура, история, философия, идеология, нация.

N. V. Kuznezov

CULTURE HISTORYOSOPHY OF CLASSICAL EURASIANISM

The article examines the historical and cultural background of classical Eurasianism. In this connection, it analyzes concepts by L. P. Karsavina, N. S. Trubetskoi, P. N. Savitsky, P. M. Bitsilli. On this basis, it argues the original methodology of history in concepts of Eurasians and identifies its characteristics. An important place in this article is occupied by a study of Eurasian cultural-philosophical ideology of national identity, which reveals its inconsistency. Refs. 7.

Keywords: culture, history, philosophy, ideology, nation.

Историософский анализ является важнейшим методологическим основанием классического евразийства 1920–1929 гг., представленного работами Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого. Продолжая традиции историософии П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьева, К. Н. Леонтьева, этот анализ способствовал построению оригинальной культурфилософской идеологии. Она была основана на идее синтеза Востока и Запада, поиска «третьего пути» развития России и во многом исходила из представления о кризисе мировой культуры. В первом евразийском сборнике «Исход к Востоку» уже осмысливается историческое прошлое России в связи с историей Европы, исследуются предпосылки русской революции на фоне современности. «Созерцая происходящее, — писали авторы сборника — мы чувствуем, что находимся посреди катаклизма, могущего сравниться с величайшими потрясениями, известными в истории, с основоположными поворотами в судьбах культуры вроде завоевания Александром Македонским Древнего Востока или Великого переселения Народов». В последующем историческое обоснование собственной позиции займет всё большее место в построении евразийцев и будет связано с философией культуры и лингвистикой.

Историософский анализ присутствует у многих евразийцев, но особенное значение он имеет в работах Л. П. Карсавина «Введение в историю» (1920), «Восток.

Кузнецов Никита Всеволодович — доктор философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; nikita@mail.ru

Kuznetsov N. V. — Doctor of Philosophy, Assistant Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; nikita@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Историософия социальных преобразований в России», проект № 14-03-00361а.

Запад и русская идея» (1922), «Философия истории» (1923) и ряде статей мыслителя. В 1925 г. Карсавин становится одним из ответственных редакторов парижского еженедельника «Евразия», а в 1929 г. отходит от движения. Исследуя проблему историософии, Карсавин отмечает два ошибочных взгляда на историческое познание: «социологическое, или научно-обобщенное (номотетическое)? и научно-индивидуализирующее (идиографическое)». Оба «обесмысливают» историческую действительность и исторический процесс. Первое тем, что оставляет вне поля рассмотрения всё конкретно индивидуальное и уходит в область абстрактных общих формул. Второе же тем, что не обращает внимания на всё общее и саму историческую действительность и заменяет их произволом субъективных построений. Карсавин утверждает: «Историзм, прежде всего, определяется чутьем и чуткостью к единственности, неповторимости и специфичности прошлого. Вместе с тем это прошлое воспринимается как нечто из себя самого развивающееся, как обладающее диалектикою своего развития и органически целостное. Оно, далее, не оторвано от окружающего, не отвлечено, а сращено со всем и непрерывно со всем связано, органически продолжаясь в самом настоящем» [1, с. 446]. В основе подлинного историзма лежит положение: «один и тот же исторический факт являет разные стороны в зависимости от того настоящего, в связи с которым он рассматривается». Настоящее влияет на прошлое, поскольку каждый факт бесконечно многообразен и заключает в себя бесконечно много возможностей, которые проясняются и осуществляются в последующем развитии; исторически общее есть некоторый основной исторический факт в раскрытии разных своих возможностей.

Особенностью подлинного историзма также является способность усматривать в прошлом специфичное, которое связано с национальным контекстом. Подлинный историзм всегда национален — как в том смысле, что воспринимает развитие культуры в неразрывной связи с развитием наций, так и в том, что он и «всемирную» историю понимает по отношению к народу историка и к миссии этого народа. Расцвет подлинного историзма отражает рост национального самосознания, и с этой позиции следует изучать характерные черты быта, религиозных верований народов, исследовать их роль в формировании не только собственной культуры, но и мировой. Развитие национально-культурного бытия с необходимостью приводит к созданию новой историософии. Однако, согласно Карсавину, чтобы национально-культурное обоснование исторических фактов не стало апологией лжи, оно должно исходить из абсолютно ценного, оно получает истинный смысл лишь в том случае, если это национальная культура осуществляет абсолютно ценную миссию. Карсавин подчеркивает: «Такая концепция, освещающая и осмысляющая всё прошлое, не является чем-то предопределяющим и роковым, связывающим свободное целеполагание и свободную деятельность. Ведь она осмысляет всё прошлое из настоящего и содержит в себе всё это настоящее со всею его свободною устремленностью к создаемому им будущему» [1, с. 448]. Таким образом, подлинный историзм создает новую историософию, свободное обращение к прошлому является формой критики настоящего и оценки будущего.

При этом подлинный историософский анализ, т. е. настоящий историзм, должен быть свободен от европоцентризма, который анализирует мировую историю с позиции интересов развития только европейской цивилизации, рассматривая ее как прогрессивное явление мировой истории. Альтернативой является культур-

философская точка зрения, которая критикует теорию прогресса и утверждает равноценность различных культурно-цивилизационных путей развития народов. Таким образом, объективность историософии заключается в создании более широкой, разнообразной по своим национальным ценностным ориентациям точки зрения на историю. В этом состоит синтез субъекта и объекта исторического и вообще социального познания. Критика европоцентризма в историографии заняла принципиальное место в концепции евразийцев и стала основой методологии альтернативной историографии как итога сопоставления разных интерпретаций исторического факта. Можно видеть сходство данной позиции с точкой зрения славянофилов А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, которые в спорах с западниками Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным писали о необходимости аксиологического подхода в социальной науке, который исследовал бы факты быта и духовной культуры того или народа. Только данный подход позволяет понять, почувствовать историю как реальность.

От историософии славянофилов концепция евразийцев отличается тем, что само пространство сравнения исторических процессов и периодов существенно расширяется, включая восточные, евразийские народы, как правило, остающиеся за скобками западноевропейской и русской научной историографии, историологии; субъектом исторического процесса для евразийцев были туранские народы. Кроме того, евразийцы, также в отличие от славянофилов, строили свою концепцию на анализе культурно-бытовых, этнокультурных и геополитических фактов жизни. Евразийство исходило из существования общественно-культурных циклов зарождения, расцвета, упадка и вариативного, полицентрического представления об истории как некотором задании и здании. Осуществлялся сознательный уход от принципа жесткого детерминизма и линейного прогрессизма в понимании истории, и утверждалась модель полицикличности истории. Тем самым аргументировалась позиция поиска и выбора пути развития народов в связи с их историческими особенностями и общественным идеалом. «Эволюцию культуры можно, между прочим, рассматривать с точки зрения географического перемещения её центров, т. е. сосредоточий культурной жизни тех народов, которые в ту или иную эпоху упражняли наибольшее влияние на окружающую историческую среду», — писал П. Н. Савицкий [2, с. 120]. Культура с этой точки зрения характеризуется всеми признаками личности, выражающейся через индивидуализацию и язык, чтобы язык культуры стал доступным, в ней за внешними формами следует искать духовный стержень, каковым является господствующая в данной культуре «идея-правительница», определяющая, нормирующая различные модификации культуры.

Савицкий подчеркивает инициативность истории: история не «дается», но «творится». Данная позиция имеет принципиальное значение, поскольку саморазвитие и актуализация евразийства совпадала с процессом построения и интерпретации истории как пространства географического и одновременно культурно-бытового и духовно-религиозного. В работах Савицкого рассматриваются семь периодов истории Евразии, которые отличаются различными культурными эпохами, где история активна, поскольку она приносит перемены, а культура — нечто устойчивое. Категория «Евразия» выражает некоторую ситуацию, в которой происходит историческое оформление культурной общности. Впервые эта категория в широком смысле была введена Александром Гумбольдтом для обозначения

великого континента, объединяющего две страны света. Савицкий стал говорить о Евразии, противостоящей как Европе Западной, так и собственно Азии. Для евразийцев «русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя — евразийцами» [2, с. 52]. Смысл утверждения евразийцев сводился к провозглашению существования особой евразийской культуры и ее специфического субъекта — симфонической личности. «Постепенно оснакомливаясь с евразийством, мы увидели, что его центральной идеей является идея Руси — Империи Руси — Евразии как, если не осуществленной, то “заданной” *Культуро-Личности*, идея единства, политического и культурного, *православно-евразийского мира-континента*», — писал П. М. Бицилли [3, с. 287]. Россия-Евразия унаследовала не только византийские культурные традиции, важным культурным фактором оказалась и «восточная волна» Монголии. В связи с этим интерес представляет концепция Н. С. Трубецкого, который замечает, что «нелепостью» историографии было игнорирование в истории России эпохи татарского ига. Поэтому влияние монгольской государственности на русскую осталось совершенно невыясненным [4, с. 240].

Хочется подчеркнуть, что евразийцы не были нигилистами в отношении достижений западной цивилизации, но доказывали ее генезис и существование в конкретной исторической ситуации и для определенной группы народов. Трубецкой писал, что «та культура, которую поднесли... под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов» [4, с. 41]. В последующем, отвечая многим критикам, обвинявшим их в антизападничестве, евразийцы подчеркивали, что они стремятся показать прежде всего взаимосвязь различных культурных миров и их историческую связанность с ментальными, культурными и политическим предпосылками. В этом отношении был применен метод историко-культурного синтеза о чем писал и Л. П. Карсавин. Поэтому категории, которые использовали евразийцы — месторазвитие, праведное государство, идеократия, демократия, — и нужны были для отражения тех реалий, которые ранее не имели своих понятийных аналогов. Учитывая то, что для евразийцев культура тесно связана с языком, данное лингвистическое творчество и связано было с интерпретацией истории, которая отражала интуиции евразийцев. Поэтому прав Г. В. Флоровский, который, начав как евразиец, в последующем в статье «Евразийский соблазн» подверг критике евразийство за то, что евразийская историософия «отлилась по морфологическому признаку» в исследования объективных органических сторон исторического процесса в ущерб религиозной, христианской составляющей. Но в этом и заключена специфика историософии евразийства как синтеза науки и религии, гуманитарной естественной науки.

Идея общенаучного синтеза во многом лежит в основе методологии евразийства. Она конкретно выражалась в категории «месторазвитие», которая была введена П. Н. Савицким. Месторазвитие означает единство географического, этнического, хозяйственного и исторического начал в развитии тех или иных народов. Каждый двор, каждая деревня есть «месторазвитие». Подобные меньшие «месторазвития» объединяются и сливаются в «месторазвития» большие. Возникает ряд месторазвитий. Россия, как по своим пространственным масштабам, так и по

географической природе, является единой во многом на всем ее пространстве и в то же время отличной от природы прилегающих стран, т. е. является месторазвитием «континента в себе». Этому континенту, предельному «Европе» и «Азии», но в то же время не похожему ни на ту, ни на другую, подобает имя «Евразия». Категория месторазвитие в контексте историософии позволяет сравнивать историю формирования и эволюции разных народов. Изучение образа жизни в связи с ареалом и пространством бытия и быта народов позволило выявить объективные основания цивилизации, имеющие естественный характер. Так, евразийцы обратили внимание на то, что исторические границы Евразии совпадали с историческими границами Российской империи, что свидетельствовало об их естественности и устойчивости. Тем самым можно было обосновать закономерности формирования цивилизаций, выявить некоторые перспективы развития.

На этой основе в евразийстве возникли и моменты провиденциализма, утверждения особой роли России-Евразии в современном мире. Савицкий приходил к выводу, что «культурные средоточия того мира, носителем традиции которого являлась в последние века Западная Европа, будут продвигаться — в Россию-Евразию и в Северную Америку» [2, с. 131]. Месторазвитие в данном случае выступало субъектом исторического процесса, заменяя собой иные субъекты истории. Но в этом проявлялись особенности многих научных открытий, которые выходили за рамки определенной научной сферы, захватывая другие области познания. Происходила закономерная экстраполяция научных открытий. Здесь возникает другая сторона евразийства как идеологии; провиденциализм отражает прогностическую функцию науки. Эти два факта оказываются принципиальными для объяснения евразийства как геополитической идеологии и историософии. Евразийство не только система историсофских учений, оно «стремилось сочетать мысль с действием и в своем пределе приводить к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной методологии действия» [5, с. 93]. В связи с этим Н. Н. Алексеев развивал концепцию «праведного государства». По его мнению, современные общества стоят под угрозой нового небывалого бесправия. «Праведное государство не может считать справедливым, — писал он, — беспредельное приобретение, вытекающее из неудержимого эгоизма и жадности, хотя менее всего должно действовать при этом какими-либо насильственными, революционными средствами. Напротив, в праведном государстве должны быть всеми силами созданы такие жизненные условия, которые бы давали внутренние стимулы к отрицанию беспредельного приобретения. В этом отношении праведное государство должно стремиться к созданию культуры, которая бы покоилась на других основах, чем европейская, и главным образом американская» [6, с. 321].

Особый интерес представляют в этом же контексте исследования П. Н. Савицкого, посвященные изучению разных типов империй в истории. В его работе «Борьба за империю», опубликованной в 1915 г., все империи делятся на *два основных* типа. Первый — «континентально политический»: Римская империя, империя Александра Македонского и Россия исходят из установления политических отношений между метрополией и подвластными народами. В истинном смысле русская империя, по мнению Савицкого, возникла только в конце XVIII в., когда была выработана национальная русская целостность. Особенностью российской империи является то, что многое в ее политике определяется отношениями с восточными

народами внутри самой империи. Важно также и то, что континентально-политическое расширение ведет к обогащению культуры империализующей нации силами империализуемых народов. Поэтому уничтожение национальных «обособленностей» может уничтожить все достижения империалистического слияния.

Евразийство претендовало на создание новой идеологии, которая могла бы стать альтернативой марксизму в России и либерализму на Западе. В этом стремлении были и историософские обоснования, и культурные предпосылки, но в евразийстве проявились и законы создания любой идеологии: выработка однозначности и упрощенных формулировок, схематизация и формализация. Но при этом необходимо в евразийстве различать философское, теоретическое начало, обусловленное развитием гуманитарной науки, а также собственно идеологическое. Поэтому не прав Д. Биллингтон, который отождествлял евразийство с «авторитарной альтернативой» России [7, с. 64]. В целом же историософия евразийцев отличалась оригинальностью, научной основательностью, хотя и определенной противоречивостью. С одной стороны, в ней присутствовало стремление выявить специфику культурной истории России, с другой же — евразийцы раскрывали универсальные формы бытия всей цивилизации. Сочетание частного и общего в научном анализе не всегда носило органичный характер. Существовало и расхождение в политической составляющей концепции и ее философской аргументации. Но эти противоречия не умаляют важного значения евразийства для русской историографии русской философии; оно до сих пор является одной из интересных форм теоретического обоснования развития национального самосознания.

Литература

1. Карсавин Л. П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. 496с.
2. Исход к Востоку. М.: Добросвет, 1997. 261 с.
3. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. 368 с.
4. Трубецкой Н. С. Наследие Чингизхана. М.: Аграф, 2000. 554 с.
5. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
6. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
7. Биллингтон Д. Х. Работы по истории и культуре России: в 2 т. Т. II: Россия в поисках себя. Статьи и выступления. М.: ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2011. 288 с.

References

1. Karsavin L. P. *Sochineniia* [Works]. Moscow, Raritet Publ., 1993. 496 p. (In Russian)
2. *Iskhod k Vostoku* [Exodus to the East]. Moscow, Dobrosvet Publ., 1997. 261 p. (In Russian)
3. *Rossiiia mezhdru Evropoi i Aziei. Evraziiskii soblazn* [Russia between Europe and Asia. Eurasian temptation]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 368 p. (In Russian)
4. Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingizkhana* [The Legacy of Chingis Khan]. Moscow, Agraf Publ., 2000. 554 p. (In Russian)
5. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziia* [Kontinent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 464 p. (In Russian)
6. Alekseev N. N. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow, Agraf Publ., 1998. 640 p. (In Russian)
7. Billington D. Kh. *Raboty po istorii i kul'ture Rossii: v 2 t. T. II: Rossiia v poiskakh sebii. Stat'i i vyctuple-niia* [Works on the history and culture of Russia. In 2 volumes. Vol. II. Russia in search of itself. Articles and speeches.]. Moscow, VGBIL im. M. I. Rudomino Publusing house, 2011. 288 c.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2015 г.